

.....ВЕРШИТЕЛЬНИЦЫ.....

• ИРМАТА АРЪЯР •

• ЛОРДЫ ГОР •
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЬ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А89

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Арьяр, Ирмата.

А89   Лорды гор. Да здравствует король! : [роман] / Ирмата Арьяр. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Вершительницы).

ISBN 978-5-17-098861-7

Королю нужен сын, наследник трона и магического дара, но родилась я, седьмая по счету принцесса. По воле матери-волшебницы я обречена носить маску кронпринца. Вместо кукол у меня — меч, вместо фрейлин — наставник боевых искусств, а вместо любви — проклятый дар огненной крови. Никто не должен узнать, что я девушка. Никого не интересует, что чувствует мое сердце. Вот только я не буду мириться с ролью пешки и начну собственную игру за свою жизнь и любовь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098861-7

© И. Арьяр, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Сыновей у короля не было, в том-то и беда.

Рождение долгожданного наследника той весной было ему обещано и молитвами святых старцев, и расположением звезд, и всеми придворными лекарями.

А получилась я. Какое разочарование. Потом, когда он узнал.

Матушка в сговоре с повитухой объявила, что родился мальчик. А что оставалось делать? Тогда ей было всего двадцать три. Супруг угрожал сослать ее в монастырь, где она не прожила бы и дня, и поклялся жениться на другой в том случае, если опять родится девочка. Седьмая по счету. Передо мной были три пары близняшек.

Как две перепуганные женщины сумели заморочить ба-тюшку и придворных лекарей, мне потом объяснили. Восхитительная ловкость рук. Волшебных, как выяснилось позже.

Этот заговор и предопределил все дальнейшее: воспитывали меня соответствующе — как наследника. Вдали от столицы, не полной же душой матушка была. Мол, сын короля Роберта Сильного слишком слаб, в чем душа держится, ему нужен целебный горный воздух. Едва показав отцу, меня младенцем увезли в замок матушкиных родителей, затерянный в Белых горах на северной границе королевства Гардарунт.

Скандал, конечно, был, но по более мелкому поводу. Не по сути, а по внешности новорожденного. Мои черные волосы и щедедушность тела — чем не причина заподозрить королеву в супружеской неверности? Сам-то Роберт Сильный был рыжеволос, высок и могуч, как буйвол, да и королева Хелина — этакая пышечка, а белокурость моих старших сестричек — в нее.

Подозрения доказать не удалось. Матушка поклялась на священной книге и сунула супругу под нос медальон с портретом моей прабабки. Видела я потом ту миниатюру. Что там можно разглядеть под ровным слоем почерневшего за полтора года лака — загадка, а моя непохожесть на остальных прекрасных родственничков — налицо.

Потому государь не торопился признать меня наследником, а королева жила в изгнании вместе со мной в том же горном замке.

Дикое, почти безлюдное место и, главное, недоступное, что и требовалось на тот момент, пока король не успокоится.

В нашу с матушкой тайну были посвящены еще четверо: ее родители — лорд Герт Грахар и леди Амель, моя кормилица Сильвия, выполнявшая потом роль няни и камеристки, и старый рыцарь Лорган. Последние двое приехали в Белогорье вместе с матушкой. Для остальных я была кронпринцем.

Может быть, кто-то из слуг замка и догадывался об истине, но их преданность роду Грахар была куда выше преданности далекому королю. Горцы — особенный народ.

Насколько особенный, я узнала далеко не сразу.

Лорд и леди Грахар относились к нашему пребыванию в родовом замке, как к неизбежному злу в их, в общем-то, невидимой для меня жизни. Сам лорд обычно появлялся вечером, под конец ужина, ведя под руку супругу. Оба выглядели молодо — лет на сорок. И всегда, сколько помню, облачались в черные одеяния с серебряной вышивкой, что подчеркивало бледность их лиц и сухощавые величественные фигуры, куда там моей пышной, как мечта кондитера, королеве-матушке, чьи пестрые платья в бесчисленных оборках ветшали с каждым годом.

Супружеская чета Грахар притрагивалась на этих семейных вечерах только к кубкам, по традиции ожидавшим их во главе стола. Разговоры тихо цедились сквозь зубы и крутились вокруг непонятных мне тогда вещей: политики, сплетен о соседях, заговоров и, разумеется, идиотизма ситуации, в которую матушкина ложь загнала нас обеих.

Меня злило, что королева трепетала перед дедом и бабкой, как овца перед волками.

ЛОРДЫ ГОР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

И то сказать, было в хозяевах замка нечто волчье, особенно когда они улыбались. В остальном же они были вполне милы, если бы не так явно презирали свою дочь. Я рано научилась замечать такие вещи.

Один диалог, случившийся в канун моего десятилетия, запомнился особенно хорошо.

— Допустим, Хелина, пока у тебя получается прятать и за чем-то уродовать нашу девочку. Но что дальше? — складывались в тонкую презрительную нить губы леди Амель.

Я опустила ресницы, спрятав гнев. Только за семейными ужинами мне напоминали, кем я родилась. Бабушка неизменно говорила обо мне «наша девочка», «дорогая принцесса», «милая Лэйрин». Я люто ее возненавидела за это.

— Когда король вернет меня ко двору, — отвечала королева в изгнании, — я найду способ достать Роберта.

— У тебя не хватит на это ни сил, ни смелости, иначе ты давно бы это сделала, — снисходительно улыбался лорд Грахар. — А у Роберта хватит ума не подпустить тебя к столице ближе чем на милю. Даже с его безудержными пороками он проживет еще лет двадцать, а ты не сможешь столько продержаться здесь, хотя твою неожиданно проявившуюся силу мы все оценили и поддержали.

— Я бесконечно благодарна вам, отец.

— Ты бежала в родовой дом, Хелина, и можешь рассчитывать на этот кров, пока у тебя хватает крови его держать, — странно, непонятно говорила леди Амель. — Но вне его тебе рассчитывать не на что. Кончится сила — кончится всё. Надолго ли еще тебя хватит? И что тогда будет с твоим седьмым ребенком?

— Прошу вас, не надо при нем! — матушка побледнела и глянула на меня. С жалостью, страхом, состраданием, любовью. Когда она так смотрела, я прощала ей все.

— Надо, Хелина. Ты напрасно упорствуешь и тратишь силы. Такое не запереть даже тебе, матери. Посмотри только на ее глаза, — леди Амель подошла, подняла мою голову за подбородок. Она впервые за эти годы дотронулась до меня. Ее пальцы показались ледяными, а улыбка жутковатой, когда она

ИДАТА АРБЯД

сказала: — Я уверена, что ты — настоящая Грахар, чудесное дитя.

Я прошипела, глядя ей в переносицу, как животному, — это особенно бесит людей, я уже знала:

— Леди Амель, никогда не прикасайтесь ко мне без моего дозволения.

Она замерла, зрачки неправдоподобно расширились, заполнив даже белки. Ямы без дна, дыры во мрак. Черные на белом-белом лице, с чудовищной багровой искрой в самой глубине. Но руку она отдернула — поспешно, без всякой величественности.

— О да, ваше высочество, — улыбнулась, торжествующе глянув на королеву. — Что я говорила? Лэйрин может оказаться нашим спасением. Согласись, Хелина!

— Нет! — с неожиданной яростью сказала тихая моя матушка. — Не отдам. Пока я жива, вы не посмеете!

И увела меня. А в моей спальне она прижала меня к себе крепко-крепко, совсем как раньше, когда я была малышкой, и поцеловала в макушку.

— Не отдам, — прошептала снова.

— Матушка, что это было у бабушки с глазами?

— Это... такая болезнь, Лэйрин, редкая болезнь. Не обращай внимания, она не заразная.

Я на столь многое не обращала тогда внимания, что это может показаться странным. Объяснение нашлось много позже: мне просто отводили глаза, чтобы не возникало неудобных вопросов.

Мои дни в замке тянулись одинаково нудно. Детей, кроме меня, там не было.

Я носила штаны и рубашку, в прохладную погоду добавлялись камзолчик, берет и подбитый волчьим мехом плащ. Мои игрушки — исключительно резные солдатики, маленький лук и деревянный меч, изготовленные собственноручно под призором сэра Лоргана.

Никаких кукол и кружев, упаси боже.

Самый главный запрет — быть собой.

ЛОРДЫ ГОР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

Утро начиналось с ушата ледяной воды и разминки: бега в любую погоду, отжимания, подтягиваний, накачивания пресса и мускулов — моя фигура должна быть мальчишеской. Старый, преданный королеве до последней капли крови рыцарь Лорган тренировал мое тело беспощадно. Толку-то.

— Вы всегда будете слабее самого хилого воина, ваше высокочество, — вздыхал наставник, разминая мне сведенные судорогой мышцы. — Вашим преимуществом должны стать ум, скорость, ловкость и меткость. Лучник из вас, может, и получится, но в остальном...

После завтрака я бежала в библиотеку, надеясь застать тот момент, когда туда входит кто-либо из учителей.

Бесполезно. Меня уже ждали.

Учителя менялись часто. Они появлялись словно ниоткуда, и уходили в никуда. Их одежды и лица зачастую были столь диковинными, что я пол-урока их рассматривала, чем вызывала нешуточный гнев и дополнительный час зубрежки. Вне пределов огромной библиотеки, забитой фолиантами так, что нечем было дышать, я не встречала никого из этих лиц, но долго не придавала этому значения.

Меня учили всем премудростям, которые должен знать наследный принц: точные науки, словесные и изящные. Потом, когда мне исполнилось десять, добавились география, политика, экономика и астрология с алхимией. Пять языков: Равнинного королевства, двух сопредельных государств, священных текстов древних айров и горное наречие, на котором изъяснялись в замке.

Ни одна женщина на равнинах, будь она даже королевских кровей, не получала такого образования. Только это и примирило с навязанной мне ролью. Позже, много позже, когда я осознала, что матушка сделала для меня и чем платила.

Раз в месяц жизнь резко менялась: если мое поведение было безупречным, меня брали на охоту в скалы или в леса межгорной долины, где жили наши подданные — дальеги, смуглые пастухи, охотники и кузнецы, смотревшие на нас не как на господ — они были так бедны, что облагать их повинностью было бы стыдно, — а как на каких-то высших существ, спускав-

шихся к ним с горных вершин. Я не понимала тогда их страха. Разве мы — владыки Темной страны, чтобы так трепетать?

Два десятка воинов замковой охраны сопровождали на охоте лорда и леди Грахар и старого Лоргана, державшего меня перед собой в седле, пока у меня не появилась собственная лошадка. Это были самые прекрасные дни и ночи — дикие, азартные, опасные. Настоящие. Ради них я старалась быть безупречной во всем.

Королева Хелина всегда оставалась в замке. Она встречала нас после — бледная, с провалившимися глазами, осунувшимся лицом — и улыбалась, когда я еще издали гордо показывала добычу — несчастного подстреленного зайца или куропатку. Скорость, ловкость и меткость — так ведь, матушка? Я молодец?

— Еще ум, Лэйрин, — напоминала она. — Вы должны мыслить, как мужчина.

«Попробуй сама», — вертелось на языке, и я опускала взгляд.

Иногда мне казалось, что замок совсем безлюдный и по ночам он наполнен тенями и шорохами вместо людей. Но стоило выйти из комнаты, как совершенно неслышно появлялся кто-нибудь из слуг в черных одеждах и склонялся в поклоне:

— Что-нибудь угодно, ваше высочество?

Мои бесхитростные прихоти исполнялись почти всегда. Лишь однажды я позволила себе нечто экзотическое: вычитав в книге о райской птице, я попросила эту диковину.

Принесли. Через пару дней, в клетке. Радужную, с зелеными глазами.

Ночью я проснулась от слез: мне приснилось, что я заперта в тесной клетке, в кромешной тьме и вечном одиночестве и никогда не расправлю крылья. Никогда — самое ужасное из слов.

Утром клетка оказалась пуста, если не считать радужного пера. Эту драгоценность я спрятала в шкатулке со сломанными солдатиками.

ЛОРДЫ ГОР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

После того случая я набралась нахальства и, выйдя ночью в освещенный луной коридор, где на серых стенах плясали зыбкие тени, сказала караулившему покои стражу:

— Мне угоден друг. Такой же, как я.

И впервые услышала:

— Это невозможно, ваше высочество.

— Почему?

— Такое же — не повторить.

У них было чувство юмора, но я не помню, чтобы в замке когда-нибудь громко смеялись.

В то же утро за завтраком королева, забыв об остывающем в чашке чае, пристально изучала мое лицо, словно после долгой разлуки. Потом сказала:

— Вам одиноко, дитя мое, я знаю. И вам нужен образец для подражания. Потерпите еще немного.

На следующий день раньше срока была объявлена охота в долине, и длилась она не три дня, как обычно, а почти неделю.

А когда мы вернулись, за ужином у нас были гости. Впервые. Лорд Грахар представил нам с матушкой соседей: лорда и леди фьерр Этьер и их сына.

На миг встретившись с мальчишкой взглядами, я почувствовала себя так, словно меня ударили камнем. Это был враг, а не друг. Почему? За что?

Так у меня появился паж, положенный мне по статусу, и партнер по тренировкам — Дигеро. Диго. Образец для подражания, с ума сойти.

Он был дивно хорошеньким, тот мальчик. Кареглазый гордец с каштановыми локонами до плеч, белоснежной кожей, как у всех рожденных в Белогорье, с девчоночьи длинными, загнутыми ресницами. Выше меня на голову и неизмеримо сильнее. Мне десять, ему двенадцать. Он всегда побеждал, во всем. Еще бы.

Я дразнила пажа «девчонкой» за локоны и ресницы и доводила издевками. Он отчаянно краснел, сжимал кулаки и молчал. Как он бесил меня, слов нет.

Мне казалось, он что-то заподозрил, потому что иногда так смотрел... как я умываюсь после разминки, как сажусь в седло, как пью из горного ручья на прогулке... Подмечал каждый жест, словно проверял зародившиеся сомнения, сравнивал. «Уменький, гад, — думала я тогда, — совсем как я, право же».

Я тоже подмечала каждое движение моего живого учебного пособия по мальчикам, каждую реакцию на мои пакости. Он терпел и никогда никому не жаловался. И побеждал.

Матушка всегда поднимала планку так, чтобы дотянуться можно было лишь за гранью сил, выскочив из самой себя. Да, я мстила ему за то, что она требовала от меня невозможного, но это понимание пришло много лет спустя.

Выволочку от королевы за мои злые проказы я получила быстро и по полной.

— Вы ведете себя с Дигеро недостойно, ваше высочество, — сказала она через несколько дней. — Совсем как глупая негодная девчонка. Стыдитесь, это подло.

Я насупилась, глядя на нее сердито, исподлобья:

— В чем же подлость? Он знал, что подпруга на его лошади подрезана. И знал, что это моих рук дело. Но все равно сел в седло и грохнулся. Я же его не заставлял. И он может легко побить меня, отомстить за обиду.

— Не может. Вы прекрасно знаете этикет. Да и не станет Дигеро фьерр Этьер ронять достоинство: бить слабейшего или мстить. А теперь объясните, почему вы так поступаете, Лэйрин.

— Потому что он меня ненавидит. Сразу возненавидел, с первого взгляда и даже раньше! А тогда ему еще не за что было так меня невзлюбить. Теперь есть за что. Это же справедливо.

Королева отставила чашку с травяным отваром, завела за ухо белокурой локон, чтобы ничто не мешало ей сверлить меня недовольным взглядом.

— Как вы заметили это, дитя? Диго никогда не показывал... Впрочем, я скажу вам. Род Этьер ничем не обязан нашей семье, и среди горных кланов Грахары в равном положении с ними. Для Диго унизителен статус слуги, но его родители

ЛОРДЫ ГОР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

вняли моей просьбе, и мальчик вынужден подчиниться их воле. Он не вас ненавидит, а свою роль.

Совсем как я. Да мы с ним братья по несчастью, оказывается.

— Как это — в равном положении? — возмутилась я. — Вы — королева, я — наследный принц! Служить нам — честь!

Она пренебрежительно улыбнулась.

— Королева... Здесь это не имеет совсем никакого значения. Эти края входят в состав королевства лишь формально, потому что так удобнее лордам гор. Они — не вассалы короля, никогда не были ими и не будут, помните об этом. В Белых горах король Роберт — никто и ничто, и он об этом прекрасно знает, потому никогда сюда не сунется. Здесь важен только статус рода Грахар среди кланов. Сейчас он не столь блистателен, как прежде.

Я приняла это к сведению.

— Почему тогда лорд Этьер согласился отправить сына в услужение?

— Мы обменяли их согласие на доступ Дигеро к библиотеке замка. Она уникальна. Это искупает в их глазах все, кроме вашего низкого поведения, Лэйрин. Мне было бы легче, если бы вы обучались вместе с этим мальчиком, раз уж теперь знаете истинное положение дел.

— Вы могли сразу сказать мне о моем истинном положении, миледи. Я не вел бы себя как... как дура.

С того дня я перестала его замечать. Слова не молвила. Но Диго присутствовал в моей жизни постоянно. Отныне он трапезничал с нами на равных. Мне кусок в горло не лез.

В библиотеке обучали уже нас двоих, за одним столом. Я разучилась писать, читать и говорить. И наслаждалась растерянностью разноликих учителей. Они ничего не могли поделать, зато вдвойне терзали моего соседа. Это ведь не подлость. Он же от такого внимания только умнее станет. А я наверстывала по ночам, записывая все, что запомнила. Не высypалась, вестимо.

И, как прежде, мы вместе тренировались под присмотром сэра Лоргана.

Перемены в моем скудном на происшествя детстве начались с появлением нового лица в моем скромном окружении. Да еще какого!

Он прибыл на рассвете, когда сэр Лорган гонял нас с Диго на заднем дворе за главной башней. Незнакомец вышел из двери черного хода, остановился, цепко нас оглядывая. Статный и красивый, как все жители Белогорья. Белая кожа, белые одеяния, угольные глаза, черные волосы. Тень на снегу. Зимняя вьюга.

Помню, тогда я поразилась невероятному спокойствию, исходившему от замершей фигуры. Слово он всегда тут стоял — незыблемо, как горы.

Из-за его плеча выглядывало лицо королевы — хмурое, с нервными красными пятнами на скулах.

— Ваше высочество, — матушка шагнула вперед. — Познакомьтесь с мастером Рагаром. С этого дня он будет вашим наставником по боевым искусствам...

— Позже, миледи, не с этого, — бесцеремонно прервал ее незнакомец, вместо поклона скользнув по мне взглядом. — По договоренности с домом Этьер я позанимаюсь с младшим лордом Дигеро.

Диго аж засветился от радости.

В последующие дни я скромно наблюдала за их тренировками, делая вид, что мне неинтересно, и кусала губы от зависти: настоящие мечи, нечеловеческая скорость и сила учителя Рагара. Тогда-то я и поняла, что возня со мной Диго только раздражала и в предыдущую неделю он не показал и четверти истинных способностей.

— Не завидуйте ему, ваше высочество, — старый Лорган положил мне руку на плечо. Единственный, кому позволялась такая вольность. — Белогорье — особое место, и жители его — необычны. Даже в лучшие свои годы я не сравнялся бы с худшим из их воинов.

— Ты? — изумилась я.

— Я — простой человек. А это — вейриэн, — рыцарь кивнул на черноволосого воина. — На равнинах люди называют их «белые дьяволы».

ЛОРДЫ ГОР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

— Сэр Лорган! — послышался сзади голос королевы Хелины. Спокойный, но такой жуткий, что в озноб бросило. Умела она иногда вот так выдрать нервы из тела, моя тихая матушка, дочь леди Амель.

Наставник обернулся, приветствовал госпожу, но гнев принял с достоинством:

— Вы знаете мое мнение, ваше величество. Доколе молчать-то?

— Это мне решать. Идемте, сэр Лорган, для вас есть задание.

Матушка отправила его из замка под тем предлогом, что некому больше доставить важное послание ее супругу.

Может быть, Рагар заметил мой первый восторг, грозивший перейти в обожание, потому что пресек его сразу. Он обращался со мной так, как я со своей деревянной армией солдатиков: равнодушно и беспощадно. Я узнала, что такое содранная кожа, кровавые сопли, вывихнутые пальцы и невыносимая боль. Оказалось, верный наш рыцарь Лорган был излишне человечен и мягок, когда издевался над моим телом.

— В жизни у меня не было ученика бездарнее, — проговорил Рагар после первой же тренировки.

И скоро я возненавидела прекрасное ледяное лицо и пристальные глаза нового наставника.

Писать и перелистывать пергаменты в библиотеке я не могла уже по уважительной причине, но писала из принципа. И не плакала тоже из принципа. Не дождуся.

Увы, тренировки не прекращались ни на день: вывихи вправлялись, переломы заживали с той же скоростью, как появлялись. Матушка врачевала. Удивительный талант.

Диго заговорил со мной первым через три месяца взаимного презрительного молчания.

В то утро я одной правой рукой седлала свою лошадку в конюшне — низкую, косматую, особой горной породы. Левая рука висела на тряпичной повязке. Растяжение связок, ерунда. Что поделаешь — не муха, чтобы по отвесной скале ползать без веревки. Когда я сорвалась с уступа в пропасть, то не разбилась только непонятным чудом: словно огромная невидимая ладонь